

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ)

А. Э. Нароушвили, Г. Н. Ядченко

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Собственно научное изучение древнерусского зодчества началось в XIX в. В большинстве случаев внимание на отдельные древнерусские здания было обращено из-за практических задач – необходимости проведения ремонтов или перестроек древних церквей. А так как действующие церкви, как правило, были возведены не ранее XVI в., то естественно, что наибольший интерес вызывала архитектура именно этих поздних периодов, т. е. архитектура Москвы и отчасти Новгорода. Древнейший, домонгольский период развития русского зодчества привлекал к себе значительно меньше внимания. Здесь репертуар памятников по существу ограничивался несколькими сооружениями – киевским и новгородским Софийскими соборами, Спасским собором в Чернигове, двумя-тремя церквями во Владимире. Впрочем, иногда все же предпринимались уже и специальные работы, ставившие перед собой исследовательские цели. Так, в 1809–1810 гг. состоялось «ученое путешествие по России» К. М. Бороздина и сопровождавших его рисовальщика и архитектора. Это была первая попытка целеустремленного изучения памятников древнего русского зодчества. Во время путешествия были исполнены рисунки и чертежи, составившие несколько альбомов, которые, к сожалению, не были опубликованы, и даже сведения о них проникли в научную литературу только в третьей четверти XIX в.

В 1824 г. по инициативе киевского митрополита были раскопаны фундаменты древнейшего памятника русского монументального зодчества – Десятинной церкви в Киеве. И хотя это было вызвано необходимостью проверки фундаментов в связи с предположением построить на данном месте новую церковь, при вскрытии были решены и некоторые чисто научные задачи: сделано описание раскопанных остатков и даже подняты вопросы изучения древней строительной техники. В программе исследования Десятинной церкви, составленной в 1826 г. президентом Академии художеств А. Н. Олениным для архитектора Н. Е. Ефимова, указывалось, что следует не только обмерить фундаменты древней церкви, но и определить «способ кладки фундаментов и употребленные для того материалы», а также изучить «древние части Софийского собора и других подобных тому церквей в Киеве». Впрочем, о научном уровне проведенного предприятия свидетельствует то, что для удобства возведения здесь нового храма «древние стены сломаны до основания» [1].

О пробуждении научного интереса к древнерусским памятникам можно судить также и по тому, что в 30-х гг. XIX в. несколько архитекторов и художников были специально командированы Академией художеств в Киев, Москву, Новгород, Владимир, Юрьев-Польский для изучения там древних храмов. Появились и первые любители-археологи, интересовавшиеся историей древнерусского зодчества. Так, в 1836 г. купеческий сын Д. Тихомиров начал раскопки храмов в Старой Рязани. Он писал, что цель его раскопок – «открыть место погребения великих князей и архипастырей рязанских», но в действительности его гораздо больше интересовала архитектура раскапываемых памятников, и исследования он вел, «чтобы лучше можно было иметь понятие об архитектуре XII в.».

Ценность памятников древнего зодчества именно как памятников независимо от их использования постепенно завоевывала признание. Когда в 30-е гг. XIX в. восстанавливали Спасскую церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке, необходимость реставрации аргументировали уже не только религиозными мотивами, но и тем, что здание представляет «драгоценный для России памятник древнего зодчества».

В 1836 г. в московском архитектурном училище был заслушан доклад

А. Мартынова «Речь об архитектуре в России до XVIII столетия». В нем говорилось: «...не любопытно ли и вместе с тем не поучительно ли знать, как возникла архитектура в нашем Отечестве? Какой был ее ход, развитие, ее действие и успехи?». Через 10 лет вышла в свет первая тетрадь работы Мартынова «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» с его рисунками и текстом Н. М. Снегирева. Это был первый в России труд, специально посвященный публикации памятников древнерусской архитектуры. Впоследствии стали выходить «Памятники древнего русского зодчества», выпускаемые Ф. Рихтером, где постройки были зафиксированы уже не в рисунках, а в документальных чертежах. Оба названных издания посвящались в основном произведениям московского зодчества, а здания домонгольского времени были включены в них лишь в виде исключений. Примерно в эти же годы, т. е. в середине XIX в., появились и первые серьезные научные работы, посвященные отдельным памятникам русской архитектуры домонгольского периода. Такова, например, монография С. Строганова «Дмитриевский собор во Владимире». В ней наряду с подробным описанием памятника, хорошими чертежами и копиями фресок имеется и исследовательская часть. Автор отмечает участие в строительстве Дмитриевского собора романских зодчих и относит этот памятник вместе с церковью Покрова на Нерли, Боголюбовским комплексом и Успенским собором во Владимире к одной архитектурной школе – уже «не византийской, а ломбардской».

Изучение памятников древней русской архитектуры было включено в программу работ созданного в Москве Археологического общества. В речи А. С. Уварова, произнесенной в 1864 г. на открытии первого заседания этого общества, говорилось: «Не только мы, но и наши предки не умели ценить важности родных памятников. Без всякого сознания, с полным равнодушием, безобразно исправляя старинные здания или восстанавливая их сызнова, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из нашей летописи».

С 70-х гг. XIX в. изучение памятников древнерусского зодчества становится более интенсивным. При этом заметно повышается научный уровень исследований, что было связано в первую очередь с более активным участием профессионалов-архитекторов. Огромную роль в развитии историко-архитектурной науки сыграли археологические съезды. Их организаторы понимали археологию очень широко и включали в нее не только раскопки, но и изучение сохранившихся памятников древнего зодчества. Уже в «Трудах I археологического съезда», опубликованных в 1871 г., была помещена статья А. С. Уварова «Взгляд на архитектуру XII века в Суздальском княжестве». Автор отмечает: «Наши архитектурные памятники так мало подвергались ученой и обстоятельной критике, что не могли доселе еще достигнуть до прямого своего значения – источников для определения характера русской архитектуры». Особый интерес представляет работа Н. А. Артлебена, опубликованная в 1880 г., в которой дан детальный обзор 11 владими́ро-суздальских памятников XII–XIII вв. В связи с III археологическим съездом особое внимание было обращено на памятники Киевской земли. В архитектурных журналах все чаще стали появляться статьи и информация об исследовании древних зданий.

Возрастание интереса к изучению древнерусского зодчества также связано с перипетиями идеологической борьбы славянофилов и западников. Так, очень характерна книга В. И. Бутовского «Русское искусство и мнение о нем Е. Виолле-ле-Дюка, французского ученого-архитектора, и Ф. И. Буслаева, русского ученого-археолога» (1879 г.). Материал, на который опирались спорившие стороны, – в основном древнерусский орнамент, но в дискуссии затрагивался и ряд вопросов происхождения архитектурных форм.

В связи с вопросами национального своеобразия древней русской архитектуры

особое внимание привлекли роль деревянного зодчества и его влияние на развитие монументальной каменной архитектуры. Очень решительную позицию занял В.В. Стасов, утверждавший, что «русский народ – это по самой натуре своей, по всем привычкам своим – народ плотников, а не народ каменщиков». Огромное значение деревянного зодчества на всех этапах развития русской архитектуры подчеркивал и И.Е. Забелин.

В конце XIX в. некоторые ученые впервые задумались над необходимостью дать не просто описание памятников и даже не характеристику различных архитектурных школ, а разработать общий взгляд на развитие русской архитектуры. Н.В. Султанов писал: «Из всех европейских государств Россия является единственным, которое имеет свою архитектуру, но не имеет ее истории». Планы создания истории древнерусской архитектуры в 80-х гг. обсуждались в Обществе Санкт-петербургских архитекторов, а в 1894 г. вышла в свет первая «История русской архитектуры», написанная А. М. Павлиновым.

Возрастание темпов развития историко-архитектурной науки сопровождалось заметным ростом научного уровня исследований. В начале XX в. были проведены серьезные реставрации нескольких древних церквей, а также детальные исследования еще целого ряда памятников, сопровождавшиеся раскопками (И.И. Покрышкин, Д.В. Милеев и др.). Все эти работы носили уже чисто научный характер и не зависели от практических нужд или тенденций развития «русского стиля». В 1910 г. вышел в свет первый том «Истории русского искусства» И. Э. Грабаря. В создании разделов по древнерусскому зодчеству принимали участие также Г.Г. Павлуцкий, А.В. Щусев и В. А. Покровский. Написанный на высоком для того времени научном уровне и прекрасно изданный труд как бы подвел итоги изучения древнерусского зодчества в дореволюционный период.

В послереволюционные годы характер исследований древнерусского зодчества существенно изменился. Практическая реставрация памятников и их раскопки на первых порах несколько сократились, но в 20–30-х гг. ученые уже серьезно занимались изучением отдельных объектов в Киеве, Чернигове, Полоцке, Смоленске (И.В. Моргилевский, Н.Е. Макаренко, Н.И. Брунов, И.М. Хозеров и др.). Работы носили исследовательский характер, что позволило провести их на высоком научном уровне и получить чрезвычайно важные результаты. В исследованиях большее внимание, чем раньше, стали уделять общим проблемам истории архитектуры и развития архитектурных форм. В дореволюционное время даже в наиболее серьезных трудах исследователи, как правило, ограничивались изложением фактической стороны, т. е. описанием памятников, и в лучшем случае — определением культурных влияний. Теперь впервые делаются попытки разобраться в закономерностях развития стиля. На смену архитекторам, которые почти безраздельно господствовали в этом разделе науки, приходят искусствоведы (А.И. Некрасов, Н.И. Брунов), значительно продвинувшие вперед разработку основных проблем истории древнерусского зодчества. К тому же времени относятся и первые попытки связать историю искусства с основами марксистской методологии.

Появление первых обобщающих работ по истории древнерусского зодчества с особой ясностью показало, насколько незначителен фонд изученных памятников, насколько насущна задача увеличения их количества. В настоящее время на поверхности земли стоит всего около 30 более или менее полностью сохранившихся каменно-кирпичных древнерусских зданий домонгольской поры. Большинство из них сильно перестроено в более позднее время, и судить о первоначальном облике этих зданий можно лишь после детального архитектурно-археологического исследования. Если считать и те памятники, которые были уничтожены сравнительно недавно,

а также частично сохранившиеся, то и тогда их будет всего около 60. Следует учесть, что сюда входят памятники, построенные на всей территории Руси за период от конца X до середины XIII в., и относящиеся, таким образом, не только к разным периодам русской истории, но и к различным архитектурным школам. Очевидно, что это были крайне неполные, обрывочные сведения по истории древнерусского зодчества. Для получения более полной картины необходимо было привлечь и те памятники, остатки которых скрыты под землей. В связи с этим в 1930-е гг. приступили к систематическим археологическим вскрытиям древних сооружений, наиболее важными среди которых были раскопки Н.Н. Воронина в Боголюбове и М.К. Каргера в Киеве. По существу они стали началом нового этапа в изучении истории древнерусской архитектуры.

Великая Отечественная война прервала работы, однако уже в 1945 г. на I Всесоюзном археологическом совещании была сформулирована четкая задача – развернуть широкую архитектурно-археологическую деятельность. В материалах совещания отмечено: «Подлинная и полная история древнерусской национальной архитектуры может быть лишь результатом археологического раскрытия ее памятников и их реконструкции». Последовавшее за этим развитие архитектурной археологии дало весьма значительные результаты. Прежде всего в итоге работ резко выросло количество известных памятников: в настоящее время мы учитываем около 200 произведений русского зодчества домонгольского времени. Число вводимых в научный оборот объектов за послевоенные годы увеличилось, таким образом, почти втрое. Естественно, что ведущая роль в изучении древнейшего периода истории русской архитектуры перешла к археологам. Благодаря их работам, история русской архитектуры не только пополнилась новыми памятниками, но и, что еще важнее, раскрылась с подлинно исторических позиций. Историю древнерусской архитектуры начали рассматривать в неразрывной связи с социально-экономической и политической историей Руси, с развитием идеологии, литературы, других видов искусства. Такой методологический подход обеспечил возможность перехода к качественно новой, более высокой ступени в понимании развития зодчества. Широкий размах приобрели также исследования сохранившихся построек, выяснение их первоначального облика. Восстановление древних форм памятников большей частью ограничивалось их графической реконструкцией, но в нескольких случаях восстановление удалось исполнить в натуре; последнее относится к церквям Пятницы в Чернигове, Петра и Павла в Смоленске (П. Д. Барановский), Борисоглебской в Чернигове (Н.В. Холостенко), Спаса-Нередицы и Пятницкой (нижняя половина) в Новгороде (Г.М. Штендер). На многих памятниках проведены серьезные реставрационные работы, в том числе, такие сложные и капитальные, как реставрация Дмитриевского собора во Владимире (А.В. Столетов). Между археологами, исследующими памятники древнерусского зодчества, и архитекторами-реставраторами установился тесный контакт. Вместе с тем не прекращались и искусствоведческие исследования в области истории древнерусской архитектуры.

Весьма существенным достижением в области изучения истории древнерусского зодчества является тенденция комплексности в решении научных проблем. При подобном подходе исследователей в равной мере интересуют как художественные, так и конструктивные вопросы, как связанные с памятниками идеологические проблемы, так и развитие архитектурных типов и форм. Раньше, как правило, эти стороны рассматривались по отдельности, что не позволяло раскрыть целостную картину развития архитектуры. Между тем, изучение древнего зодчества необходимо проводить во всем многообразии его проявлений, в неразрывном сочетании собственно архитектурного аспекта с археологическим и историко-художественным.

Большие успехи, достигнутые в исследовании зодчества домонгольской Руси, дают основания утверждать, что оно переходит теперь на новый, более высокий уровень. Значительное увеличение количества изучаемых памятников, историчность и комплексность исследований позволяют обрисовать общую картину развития русской архитектуры X–XIII вв., проследить основные закономерности этого процесса.

Список использованной литературы

1. Петрушко, В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учеб. пособ / В.И. Петрушенко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 356 с.
2. Рапов, О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII. Принятие христианства / О.М. Рапов. – М.: «Русская панорама», 1998. – 416 с.
3. Раппопорт, П.А. Зодчество Древней Руси / П.А. Раппопорт. – Л.: Наука, 1986. – 153 с.
4. Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 688 с.
5. Френч, Х. История архитектуры / Х. Френч; Пер. с англ. М.С. Ремизовой. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 144 с.
6. Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення / Колектив авторів. – К.: «АртЕк», 1996. – 224 с.